

Глава 5

Заработать... Единственный известный ему способ — сниматься в кино. Быть актёром.

Актёрская игра... то есть актёрство.

«Когда Цзюнь Цюлань осознал этот факт, на мгновение ему стало не по себе. В этом мире актёры относились к низшему сословию».

Но в следующий миг он передумал.

«Какая разница? Нужно зарабатывать деньги. Главное — чтобы семья была сыта и одета».

К тому же, в том мире, как ему показалось, не было такого чёткого разделения на сословия. Продавщицы в супермаркете — в основном женщины, люди общаются на равных, никто ни перед кем не пресмыкается. Даже уличные торговцы зазывают покупателей с улыбкой, без той заискивающей робости, к которой он привык.

Деньги не пахнут.

Юноша принял решение.

«В любом случае, сначала нужно обустроиться здесь, а потом, если придётся возвращаться туда, нужно будет как-то решить вопрос с документами».

Вскоре Сун Сижун окончательно пришла в себя. Она давно не чувствовала такой лёгкости во всём теле.

— Что... что произошло? — прошептала она, опасаясь, что это лишь предсмертное облегчение.

Цзюнь Юй со слезами на глазах сжал её руку. Он так боялся, что супруга не выживет. Теперь, видя её в ясном сознании, он почувствовал огромное облегчение. Немного придя в себя, он в двух словах рассказал ей о чудесном происшествии с сыном.

Матушка была поражена, но первой её мыслью была тревога за безопасность Цзюнь Цюланя. Молодой человек заверил её, что дважды побывал в том мире и не почувствовал никакого вреда. Только тогда она успокоилась.

— Я заставила вас волноваться.

— Мама, мы же семья, не говори так, — Цзюнь Цюлань помог ей лечь. — Ещё рано, я разогрею

еду, ты давно ничего не ела.

Из трёх принесённых им коробочных обедов две порции изначально планировали оставить на завтра, но Цзюнь Цюлань настоял, чтобы отец и сестра поели досыта, сказав, что в жару еда быстро испортится. Осталась одна порция для матери.

— Брат, отец, давайте я лучше сварю кашу, — предложила Цзюнь Шувань. — Мама ещё слаба, ей нужна лёгкая пища.

— Ты у нас умница, сестренка, — улыбнулся Цзюнь Цюлань. — Я помогу тебе развести огонь. Отец, присмотри, пожалуйста, за матушкой.

К счастью, у них было несколько щербатых глиняных мисок и небольшой горшок, так что они могли приготовить горячую еду. Мать очнулась, ей стало лучше, ссылка закончилась. И хотя они ютились в хлеву, но были вместе и строили планы на будущее. В этот момент их убогое жилище казалось самым уютным местом на свете.

Но эта идиллия продолжалась недолго. На следующее утро явился смотритель.

— А ну, убирайтесь отсюда! — прорычал он. — Это хлев для скота. Мне плевать, кем вы были раньше, теперь вы ссыльные, преступники. Вы все вместе взятые не стоите и одной этой коровы. Если с ними что-то случится из-за вас, мне голову снимут.

Его сальный взгляд скользнул по Цзюнь Шувань. Девушка, слишком хорошо знакомая с такими взглядами по дороге в ссылку, испуганно спряталась за спинами близких.

— Вон, я сказал! — хмыкнул смотритель.

— Пойдемте, — сказал Цзюнь Цюлань. — Найдем того чиновника, что нас вчера принимал. Конвоиры говорили, что нам предоставят жильё.

Но их поход оказался безрезультатным. Чиновник встретил их с улыбкой, но заявил, что свободных помещений сейчас нет, и велел им самим как-нибудь устраиваться. А после этого они увидели, как он тут же выделил жильё другим ссыльным.

Юноша хотел было возмутиться, но Сун Сижун остановила его. Она, дочь купца, знала жизнь куда лучше, чем выросший во дворце сын.

— Тот человек дал ему кошелёк. Это была взятка. Идти сейчас разбираться — себе дороже.

Они больше не были имперской знатью. Смотритель хлева был прав: они — преступники, и любой может безнаказанно их унижить. С мелкими чиновниками спорить опасно: власти у них

немного, но способов извести неугодных — предостаточно. Лучше не связываться.

Цзюнь Цюлань с горечью осознал её правоту. В начале пути старые друзья тайком передавали им деньги, но они давно кончились. Если бы не те средства, которыми они подкупали конвоиров, семья бы не дошла до пограничного города живой.

Все их имущество теперь составляли рваное одеяло, несколько глиняных мисок и одежда, превратившаяся в лохмотья. Два фунта отборного риса вряд ли можно было считать достойной взяткой, к тому же пришлось бы объяснять, откуда он взялся. Не из столицы же они его везли.

С солью было ещё хуже. Прошлой ночью, когда они варили кашу для матери, они открыли пакет.

«Эта соль, купленная за два с половиной юаня, оказалась чище и качественнее любой, что они видели прежде. Если об этом прознают, с них три шкуры спустят — ведь происхождение такой соли невозможно объяснить».

Человек, давший взятку, выйдя от чиновника, заметил их. Поколебавшись, он подошёл.

— Если вам негде жить, идите на восток, в трёх ли отсюда есть заброшенный храм. Мы там раньше жили. Эти чиновники без взятки и пальцем не пошевелят, до следующего года будете жилья ждать. Если не брезгуете, можете пока там устроиться. А в городе можно найти работу, подкупить денег. Два ляна серебра в год — и будет вам дом.

Это были казённые дома, предназначенные для ссыльных. Тех, кого отправляли на каторжные работы, селили сразу, но в общие бараки, мало чем отличавшиеся от тюрьмы. А тем, кто, как они, был просто сослан, без отбывания наказания, приходилось платить. Жаловаться было бесполезно: в этом захолустье чиновники не менялись десятилетиями, и все были в сговоре. Конечно, можно было купить землю и построить дом или купить готовый, но для них это было невозможно.

— Что ж, последуем совету этого доброго человека, — решил Цзюнь Юй. — Соберемся и пойдем. А я сегодня же начну искать работу.

Храм был хоть и заброшен, но давал крышу над головой. Там уже жила другая семья — женщины и дети. Они встретили их настороженно, и, не обменявшись ни словом, обе семьи заняли по углу, обустривая свой быт.

Поиски работы тоже были неотложным делом. Сун Сижун была ещё слаба, и Цзюнь Шувань осталась ухаживать за ней.

Молодой человек, взяв одну конфету, подошёл к другой семье и нашёл самую старшую женщину.

— Тётушка, мы с отцом идем искать работу. Не могли бы вы присмотреть за нашими матерью и сестрой?

Женщина не ответила, но маленький мальчик, стоявший рядом, выхватил конфету и тут же сунул в рот.

— Все мы здесь горемыки, — вздохнула старуха. — Какое уж тут «присмотреть». Будем помогать друг другу.

— Благодарю вас, — искренне сказал Цзюнь Цюлань. Эти люди казались порядочными, скорее всего, женщины и дети тоже пострадали из-за своих мужей и отцов.

Выйдя из храма, юноша с болью посмотрел на хромающего отца.

— Отец, может, вы отдохнёте ещё пару дней?

— Ибупрофен, который ты принёс, не только сбил жар, но и снял боль и отёк, — махнул рукой Цзюнь Юй. — Я сегодня принял одну таблетку, и мне уже гораздо лучше. Негоже им долго оставаться в храме одним.

Он беспокоился за дочь и жену. В этом городе было слишком много дурных людей. Нужно было как можно скорее найти надёжное пристанище.

Цзюнь Цюлань молчал.

Но поиски работы оказались тщетными. Они обошли все школы в городе, надеясь устроиться учителями или хотя бы помощниками. Цзюнь Юй был человеком большой учёности, да и его сын легко сдал бы экзамены на ученую степень. Но как только выяснялось их прошлое, им тут же отказывали. Никто не хотел связываться с опальной императорской семьёй.

Они пытались устроиться счетоводами, но хозяева лавок доверяли такие дела только родственникам, а уж ссыльным преступникам — и подавно.

Оставалась лишь чёрная работа. В лавки требовались подручные, но хозяева были согласны нанять только молодого Цзюнь Цюланя и платили двести вэней в месяц. Такими темпами копить на дом пришлось бы до скончания века.

В одном месте юношу всё же были готовы взять на работу — в мужской бордель.

— Вижу я, вы из благородных, — сказала им хозяйка. — Книжки читали, с судьбой не смирились. Но поживёте здесь, поймёте, что в этом городе даже ветер режет, как нож. Работа у меня, конечно, не самая почетная, задницей придется потрудиться, зато денег заработаете

столько, что на безбедную жизнь хватит.

Её слова, хоть и были циничны, но правдивы. Однако для свергнутого наследного принца это было неслыханным оскорблением.

В итоге им осталась лишь работа грузчиками: таскать мешки, носить кирпичи, тридцать вэней в день. Отца из-за хромоты не взяли. Цзюнь Цюлань отработал два дня. К вечеру он не мог поднять рук, а плечи были стерты в кровь.

В тот день два фунта риса, которые они растягивали как могли, наконец закончились.

Юноша попросил мать достать купюру в сто юаней.

— Отец, матушка, я должен снова отправиться туда.

«Так больше продолжаться не может».

<http://bllate.org/book/15876/1436582>